

Как не далече-далече во чистом во поли,
Тута куревка да поднималася,
А там пыль столбом да поднималася, -
Оказался во поли добрый молодец,
Русский могучий Святогор-богатырь.
У Святогора конь да будто лютый зверь,
А богатырь сидел да во косу сажень,
Он едет в поле, спотешается,
Он бросает палицу булатную
Выше лесушку стоячего,
Ниже облаку да ходячего,
Улетает эта палица
Высоко да по поднебесью;
Когда палица да вниз спускается,
Он подхватывает да одной рукой.
Наезжает Святогор-богатырь
Во чистом поли он на сумочку да скоморошную.
Он с добра коня да не спускается,
Хотел поднять погонялкой эту сумочку, -
Эта сумочка да не ворохнется;
Опустился Святогор да со добра коня,
Он берет сумочку да одной рукой, -
Эта сумочка да не сшевелится;
Как берет он обема рукам,
Принатужился он силой богатырской,
По колен ушел да в мать сыру землю, -
Эта сумочка да не сшевелится,
Не сшевелится да не поднимется.
Говорит Святогор да он про себя:
«А много я по свету езживал,
А такого чуда я не видывал,
Что маленькая сумочка да не сшевелится,

Не шевелится да не сдымается,
Богатырской силы не сдавается».
Говорит Святогор да таковы слова:
«Верно, тут мне, Святогору, да и смерть пришла».
И взмолился он да своему коню:
«Уж ты, верный богатырский конь,
Выручай теперь хозяина».
Как схватился он да за уздечку серебряну,
Он за ту подпругу золоченую,
За то стремечко да за серебряно,
Богатырский конь да принатужился,
А повыдернул он Святогора из сырой земли.
Тут сажился Святогор да на добра коня,
И поехал по чисту полю
Он ко тем горам да Араратским.
Утомился Святогор, да он умаялся
С этой сумочкой да скоморошной,
И уснул он на добром коне,
Заснул он крепким богатырским сном.
Из-под далеча-далеча из чиста поля
Выезжал старой казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Увидал Святогора он богатыря:
«Что за чудо вижу во чистом поли,
Что богатырь едет на добром кони,
Под богатырем-то конь да будто лютый зверь,
А богатырь спит крепко-накрепко».
Как скричал Илья да зычным голосом:
«Ох ты гой еси, удалой добрый молодец!
Ты что, молодец, да издеваешься,
А ты спишь ли, богатырь, аль притворяешься,
Не ко мне ли, старому, да подбираешься?»

А на это я могу ответ держать».
От богатыря да тут ответу нет.
А вскричал Илья да пуще прежнего,
Пуще прежнего да зычным голосом,
От богатыря да тут ответа нет.
Разгорелось сердце богатырское
А у старого казака Ильи Муромца,
Как берет он палицу булатную,
Ударяет он богатыря да по белым грудям,
А богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут да Илья Муромец,
Разъезжается он во чисто поле,
А с разъезду ударяет он богатыря
Пуще прежнего он палицей булатною,
Богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут старый казак да Илья Муромец,
А берет он шалапугу подорожную,
А не малу шалапугу – да во сорок пуд,
Разъезжается он со чиста поля,
И ударил он богатыря по белым грудям,
И отшиб он себе да руку правую.
Тут богатырь на кони да просыпается,
Говорит богатырь таково слово:
«Ох, как больно русски мухи кусаются!»
Поглядел богатырь в руку правую,
Увидал тут Илью Муромца,
Он берет Илью да за желты кудри,
Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадыю да богатырскойей,
И поехал он да по святым горам,
По святым горам да Араратским.
Как день он едет до вечера,

Темну ноченьку да он до утра,
И второй он день едет до вечера,
Темну ноченьку он до утра,
Как на третий-то да на денечек
Богатырский конь стал спотыкаться.
Говорит Святогор да коню доброму:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Уж ты что, собака, спотыкаешься?
Ты идти не мошь аль везти не хошь?»
Говорит тут верный богатырский конь
Человеческим да он голосом:
«Как прости-тко ты меня, хозяйнушко,
А позволь-ка мне да слово вымолвить.
Третьи суточки да ног не складучи
Я вожу двух русских могучиих богатырей,
Да й в третьих с конем богатырским».
Тут Святогор-богатырь да опомнился,
Что у него в кармане тяжелешенько;
Он берет Илью за желты кудри,
Он кладет Илью да на сыру землю
Как с конем его да богатырским.
Начал спрашивать да он, выведывать:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли да ты какой орды?
Если ты богатырь святорусский,
Дак поедем мы да во чисто поле,
Попробуем мы силу богатырскую».
Говорит Илья да таковы слова:
«Ай же ты, удалой добрый молодец!
Я вижу силушку твою великую,
Не хочу я с тобой сражаться,
Я желаю с тобой побрататься».

Святогор-богатырь соглашается,
Со добра коня да опускается,
И раскинули они тут бел шатер,
А коней спустили во луга зеленые,
Во зеленые луга они стреножили.
Сошли они оба во белой шатер,
Они друг другу порассказались,
Золотыми крестами поменялись,
Они с друг другом да побратались,
Обнялись они, поцеловались,
– Святогор-богатырь да будет больший брат,
Илья Муромец да будет меньший брат.
Хлеба-соли тут они откушали,
Белой лебеди порушали
И легли в шатер да опочив держать.
И недолго, немало спали – трое суток,
На четверты они да просыпались,
В путь-дороженьку да отправлялись.
Как седлали они да коней добрых,
И поехали они да не в чисто поле,
А поехали они да по святым горам,
По святым горам да Араратским.
Прискакали на гору Елеонскую,
Как увидели они да чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное:
На горы на Елеонския
Как стоит тут да дубовый гроб.
Как богатыри с коней спустились,
Они ко гробу к этому да наклонились,
Говорит Святогор да таковы слова
«А кому в этом гробе лежать сужено?
Ты послушай-ка, мой меньший брат,

Ты ложись-ка во гроб да померяйся,
Тебе ладен ли да тот дубовый гроб».
Илья Муромец да тут послушался
Своего ли братца большего,
Он ложился, Илья, да в тот дубовый гроб.
Этот гроб Ильи да не поладился,
Он в длину длинен и в ширину широк.
И ставал Илья да с того гроба,
А ложился в гроб да Святогор-богатырь.
Святогору гроб да поладился,
В длину по меры и в ширину как раз.
Говорит Святогор да Ильи Муромцу:
«Ай же ты, Илья да мой меньший брат,
Ты покрой-ка крышечку дубовую,
Полежу в гробу я, полюбуюся».
Как закрыл Илья крышечку дубовую,
Говорит Святогор таковы слова:
«Ай же ты, Илюшенька да Муромец!
Мне в гробу лежать да тяжелешенько,
Мне дышать-то нечем, да тошнешенько,
Ты открой-ка крышечку дубовую,
Ты подай-ка мне да свежа воздуху».
Как крышечка не поднимается,
Даже щелочка не открывается.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ты разбей-ка крышечку саблей вострою».
Илья Святогора послушался,
Берет он саблю вострую,
Ударяет по гробу дубовому.
А куда ударит Илья Муромец,
Тут становятся обручи железные.
Начал бить Илья да вдоль и поперек,

– Все железные обручи становятся.

Говорит Святогор да таковы слова:

«Ах ты, меньший брат да Илья Муромец!

Видно, тут мне, богатырю, кончинушка.

Ты схорони меня да во сыру землю,

Ты бери-тко моего коня да богатырского,

Наклонись-ка ты ко гробу ко дубовому,

Я здохну тебе да в личко белое,

У тя силушки да поприбавится».

Говорит Илья да таковы слова:

«У меня головушка есть с проседью,

Мне твоей-то силушки не надобно,

А мне своей-то силушки достаточно.

Если силушки у меня да прибавится,

Меня не будет носить да мать сыра земля.

И не надо мне твоего коня да богатырского,

А мне-ка служит верой-правдою

Мне старой Бурушка косматенький».

Тута братица да распростилися,

Святогор остался лежать да во сырой земли,

А Илья Муромец поехал по святой Руси

Ко тому ко городу ко Киеву

А ко ласковому князю ко Владимиру.

Рассказал он чудо чудное,

Как схоронил он Святогора да богатыря

На той горы на Елеонскийи.

Да тут Святогору и славу поют,

А Ильи Муромцу да хвалу дают.

А на том былинка и закончилась.